

⁴⁶ М.И. Кутузов. Сборник документов. Т. V. С. 99.

⁴⁷ Там же. С. 132–133.

⁴⁸ *Welden L.* Op. cit. S. 99, 104.

⁴⁹ РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 3903, л. 116–117.

⁵⁰ Там же, л. 124, 265.

⁵¹ *Reboul F.* Op. cit. Т. 1. Р. 250.

⁵² Письма Кутузова и Шварценберга друг другу при обмене экземплярами конвенции см.: *Reboul F.* Op. cit. Т. 2. Р. 476–477.

⁵³ Поход русской армии против Наполеона в 1813 г. ... С. 38.

⁵⁴ *Welden L.* Op. cit. S. 154–155.

⁵⁵ Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы российского министерства иностранных дел. Серия первая. 1801–1815 гг. Т. VII. М., 1970. С. 32.

⁵⁶ *Oncken W.* Op. cit. Bd. I. S. 405, 407.

⁵⁷ Так, например, Ренье 24 января (6 февраля) 1813 г. писал Е. Богарне: «Невероятно, чтобы император Александр I двинулся вперед с армией, если он не имеет в своих руках, помимо корпусов Чичагова и Витгенштейна, еще 80 тыс. человек, и если он не имеет более важных целей, чем взятие Варшавы» (*Г. Лейхтенбергский*). Принц Евгений-Наполеон Богарне во главе Великой армии. 4(16) января – 19 апреля (1 мая) 1813 года. СПб., 1905. Приложения. С. 80).

© 2012 г. В.М. БЕЗОТОСНЫЙ*

РОССИЙСКО-ПРУССКОЕ БОЕВОЕ СОДРУЖЕСТВО В БОРЬБЕ ПРОТИВ НАПОЛЕОНА

Из европейских государств, противостоявших Наполеону в начале XIX столетия, наиболее тесные отношения у России сложились с Пруссией, благодаря личной близости монархов, возникшей еще во время их первой встречи в Мемеле в 1802 г. Можно смело говорить о дружбе между Александром I и прусской королевской четой. Они были равны по происхождению, принадлежали к одному поколению и имели схожие взгляды. Впрочем, эта дружба не мешала двум государствам проводить собственную политику и занимать диаметрально противоположные позиции в отношении международных событий.

Так, в 1805 г. Пруссия отнюдь не жаждала принять участие в очередной антинаполеоновской коалиции. Французские войска находились слишком близко от прусских владений, поэтому осторожный Фридрих-Вильгельм III первоначально предпочел остаться нейтральным. Правда, 3 октября 1805 г. во время движения французских войск к Дунаю корпус маршала Ж.Б.Ж. Бернадотта пересек прусский анклав Анспах и тем самым нарушил нейтралитет Пруссии. По-видимому, Наполеон считал, что может себе позволить такое, а пруссаки не будут сильно возмущаться. Но этот инцидент произвел неприятное впечатление на прусские двор, армию и общество, был воспринят как оскорбление. Вслед за этим Пруссия дала согласие на проход русских войск в Австрию. Кроме того, 25 октября в Пруссию, чтобы поддержать дело коалиции, прибыл Александр I. Он смог уговорить Фридриха-Вильгельма III подписать 22 октября (3 ноября) договор о намерении вступить в антинаполеоновскую коалицию. Однако этот договор оказался обставлен несколькими оговорками, делавшими его условным. Пруссия должна была предъявить Наполеону заведомо невыполнимый ультиматум, а через месяц после этого выступить против Франции, выставив 180 тыс. человек. Этот

* **Безотосный Виктор Михайлович**, кандидат исторических наук, заведующий отделом Государственного исторического музея.

союз был даже подкреплен клятвой в вечной дружбе королевской четы и Александра I над гробом Фридриха Великого в гарнизонной церкви Потсдама. Но клятва являлась не юридическим документом, а всего лишь словом чести монархов. Пруссия тогда так и не вступила в коалицию – после поражения русских и австрийских войск при Аустерлице она предпочла заключить Шенбруннский договор с Францией, по которому получала Ганновер.

Находясь между двумя империями (Францией и Россией), Прусское королевство вело двойную игру, результат которой оказался плачевным. В 1806 г. обстановку в Европе внезапно и радикально изменило прусское «прозрение». На прусского короля влияли разные придворные группировки, сам же он колебался между чувствами удовлетворенной алчности и откровенным стыдом за содеянное. Новый франко-прусский договор был подписан 15 февраля 1806 г. Одновременно король послал в Россию престарелого генерал-фельдмаршала герцога К. Брауншвейгского для заключения союзного оборонительного договора, согласно которому Россия гарантировала целостность Пруссии.

12 июля 1806 г. под протекторатом Наполеона была создана Рейнская конфедерация (первоначально из 16 южно-германских государств). Пруссия не могла безучастно смотреть на то, что творится рядом с ее границами. В это же время до Берлина начали доходить упорные слухи, что на англо-французских переговорах Наполеон предложил вернуть Ганновер английскому королю. Это была всего лишь очередная дипломатическая комбинация французского императора, в которой Ганновер становился разменной монетой, как, впрочем, и сама Пруссия, что свидетельствовало о том, как мало Наполеон считался с Пруссией, нагло обманывая и унижая ее. По словам К. Клаузевица, перед страной оказалась «перспектива недостойным образом приобретенный Ганновер потерять еще более недостойным образом»¹. Предав потенциальных союзников, Пруссия благодаря собственной политике оказалась в изоляции, один на один со своими проблемами. Лишь когда Берлинский кабинет осознал всю губительность последствий прежнего курса, он совершил внезапный поворот во внешней политике и наконец вспомнил про наличие последнего козыря, который имелся в его распоряжении – овеянную славой Фридриха Великого армию. С немецкой педантичностью она была приведена в полную боевую готовность.

До 1806 г. прусская армия имела незапятнанную репутацию (оказавшуюся иллюзорной) отчасти потому, что ей еще не доводилось воевать против Наполеона. Но тогда в европейских кругах ее почитали как самую грозную военную силу, а прусский офицерский корпус, воспитанный и слишком долго почивавший на лаврах XVIII столетия, уверенный в том, что прусское оружие ждут великие победы, постоянно оказывал давление на своего крайне осторожного короля, чтобы преподнести хороший урок французам и приставить шпагу к горлу безродного корсиканца. Но прежде прусская дипломатия вспомнила про Александра I. Фридрих-Вильгельм III резко пошел на сближение с Россией, заключив с ней в июле 1806 г. союзный договор и дав согласие готовиться к войне против наполеоновской Франции. Таким образом за несколько месяцев до войны, по словам Клаузевица открывалась хотя бы перспектива «оказаться на арене борьбы не в полном одиночестве»². Так создавались прямые предпосылки к образованию четвертой антинаполеоновской коалиции. Обретя в качестве «верного друга» Пруссию, Александр I 30 августа (11 сентября) 1806 г. издал манифест «О предстоящей войне с Францией»³.

В Пруссии поднялась волна патриотического воодушевления, наиболее ярко проявлявшаяся в рядах офицерской молодежи, вплоть до того, что гвардейцы оттачивали сабли о ступени французского посольства в Берлине. Армия Пруссии тогда насчитывала свыше 200 тыс. человек (со значительным числом наемников), но ее военная, организационная и тыловая подготовка застыла на уровне времен Фридриха Великого, никакие нововведения и инициативы не поощрялись, господствовали догматизм, закостенелость и уверенность в своей непобедимости. Одним из главных недостатков армии было отсутствие боевого опыта – она не участвовала в крупных войнах с 1762 г.,

не считая неудачного похода против французов в Шампань в 1792 г. Средний возраст генералитета составлял 60–70 лет (все высшее военное управление было представлено дряхлыми стариками), в то же время имелось много зеленой молодежи среди младших офицерских чинов. Организация штабов и вся структура управления была неудовлетворительна.

К вступившей в борьбу с Наполеоном прусской армии должны были присоединиться шведские и русские войска. В первую очередь, из России должен был направиться корпус генерала барона Л.Л. Беннигсена. Однако прусские генералы не стали дожидаться подхода союзников. В Пруссии были уверены в победе над «французскими санкюлотами» и без русской помощи. В свою очередь, Наполеон двинул свои войска вперед с целью разгромить прусские армии еще до подхода русских частей. Собственно, решающая фаза французской кампании против пруссаков продолжалась всего одну неделю. Корпуса Великой армии, построенные в передвижное «батальонное каре» (примерно 60 × 60 км), чтобы один корпус мог быстро прийти на помощь другому, совершили через Франконский лес Йенский маневр, обходное движение с юго-востока против левого фланга пруссаков. 14 октября 1806 г. главные силы Наполеона разбили 50-тысячную прусско-саксонскую армию принца Ф.Л. Гогенлоэ. Причем французский император до конца дня оставался уверенным в том, что против него действовали войска герцога Брауншвейгского. Каково же было его удивление, когда по окончании дня адъютант маршала Л.Н. Даву доложил ему, что корпус Даву в одиночку под Ауэрштедтом нанес поражение как раз армии герцога Брауншвейгского.

Итогом этого дня стал полный разгром двух прусских армий численностью свыше 100 тыс. человек. Пруссаки были полностью деморализованы и бежали. В результате их энергичного и быстрого преследования военная мощь Пруссии была полностью сокрушена: толпы солдат попадали в плен, небольшим кавалерийским отрядам без всякой попытки сопротивления сдавались мощные крепости с многотысячными гарнизонами. Такая же судьба постигла и столицу королевства Берлин. Туда французы без боя вошли 25 октября. Вся Саксония и территория Пруссии до р. Одер была занята французами и они продолжили свое движение в Польшу и Восточную Пруссию, чтобы не дать противнику опомниться и мобилизовать последние оставшиеся силы. Но впереди Наполеона ждала русская армия, правда, как и в 1805 г., ей предстояло действовать фактически уже без союзника.

Пруссия понесла в кампании 1806 г. огромные потери, с трудом поддающиеся подсчетам (в литературе приводятся цифры со значительными расхождениями): примерно 25 тыс. убитых и раненых, 140 тыс. пленных, в руках победителей оказалось 2 тыс. орудий, все вооружение прусской армии, огромное количество боеприпасов, провианта, которым можно было прокормить французскую армию в течение одной кампании, двадцать тысяч лошадей, не разрушенные первоклассные крепости. Главное же, что после предвоенного взрыва патриотического воодушевления в Пруссии наблюдался полный упадок духа, который затронул не только войска, но и все государственные институты. Военная катастрофа Пруссии стала потрясением для всей Европы. Кратко и емко выразился по этому поводу Генрих Гейне: «Наполеон дунул на Пруссию и она перестала существовать». Война обнажила все феодальные пороки как армии, так и государственного устройства Пруссии, слишком долго жившей за счет памяти о славном прошлом. По уничижительной характеристике С.М. Соловьева, «труп, отлично сохранившийся в безвоздушном пространстве, рассыпался при выносе на свежий воздух»⁴.

Фридрих-Вильгельм III предложил Наполеону заключить перемирие, но французский полководец не хотел давать передышку противнику и выдвинул настолько жесткие требования, что прусский король, даже не обладая волевым характером, счел за благо продолжить борьбу. Конечно, он мог это сделать, лишь опираясь на русские силы, тем более что Александр I, узнав о печальных обстоятельствах разгрома пруссаков, сразу подтвердил все ранее взятые на себя обязательства. Уже 16(28) октября 1806 г. в Гродно была подписана военная русско-прусская конвенция, по которой определялся порядок вступления войск России на территорию королевства. 22 октября (3 ноября) 1806 г.

русская армия пересекла прусскую границу. Но в Восточной Пруссии оказалось всего около 15 тыс. пруссаков под командованием генерала А.В. Лестока, которые смогли соединиться с ней. В распоряжении у прусского короля оставалась лишь небольшая часть восточной территории его королевства, сам он к началу 1807 г. перебрался в пограничный с Россией город Мемель, а государственная казна была перевезена от греха подальше в Россию. В течение 1806 г. русские сражались с французами почти в одиночку, защищая прусскую территорию. В 1807 г. в генеральной битве при Прейсиш-Эйлау прусские войска генерала Лестока сыграли важную роль на заключительном этапе сражения. Но все же в результате поражения при Фридланде русская армия вынуждена была оставить прусскую территорию и дипломаты вступили с Наполеоном в переговоры.

В такой обстановке в маленьком провинциальном городе Тильзите 9(21) июня 1807 г. стороны заключили военное перемирие на один месяц, после чего был подписан Тильзитский мир. Россия не понесла территориальных потерь, даже прирастила свои владения за счет Белостокской области. Договоренности зафиксировали определенный раздел сфер влияния. Франция узаконила полное господство в южной и центральной Европе. Россия взамен получала свободу (правда, относительную) действий на северо-западных границах и на Дунае. Пруссия хотя и сохранила независимость, но в сильно урезанных границах. Она потеряла статус великой державы и уже не могла служить противовесом Франции. Было образовано герцогство Варшавское, фактически оказавшееся под протекторатом Наполеона, которое стало плацдармом для наступления Франции на русскую территорию в 1812 г.

При анализе Тильзитских договоренностей возникает вопрос: почему русские пошли на заключение союза? Ведь Россия в 1807 г. отнюдь не стояла на коленях. В тех условиях Александр I вполне мог ограничиться мирным договором. Для Наполеона это была вполне приемлемая программа-минимум – в 1807 г. французские войска были истощены не меньше, чем русские, и он в любом случае вынужден был бы пойти на мировую с российским императором. Именно такое решение позже, в 1811 г., считал более правильным Н.М. Карамзин: «Надлежало забыть Европу, проигранную нами в Аустерлице и Фридланде, надлежало думать единственно о России, чтобы сохранить ее внутреннее благосостояние, т.е. не принимать мира, кроме честного, без всякого обязательства расторгнуть выгодные для нас торговые связи с Англией и воевать с Швецией в противность святейшим уставам человечества и народным»⁵. Из инструкций Александра I своим представителям на переговорах также становится ясным, что российская сторона сначала действительно предполагала лишь заключение мирного договора с Францией, и не видела необходимости в союзе⁶.

Но следует иметь в виду, что Россия в 1807 г. воевала не одна, а в союзе с Пруссией, прусская же территория оказалась захваченной французами. Собственно, главный дипломатический торг велся тогда вокруг этого фактически уже не существовавшего королевства. В инструкциях уполномоченным вести переговоры в Тильзите Александр I очень четко указал: «Вопрос, интересующий меня превыше всего – это восстановление короля прусского в его владениях»⁷. Русская дипломатия стремилась разменять русско-английский союз на восстановление Пруссии. По мнению российского императора, «Франция должна придавать исключительное значение расторжению этого союза, которое фактически произойдет, как только Россия заключит сепаратный мир». Можно полностью согласиться с мнением С.Н. Искюля: «Позиция Александра I накануне и во время переговоров во многом определялась стремлением сохранить Пруссию как государственную единицу», и это сохранение, «хотя и в урезанном виде, безусловно, следует считать успехом российской внешней политики»⁸. Для российского императора это имело принципиальное значение. Наполеон явно не хотел делать такой уступки и пошел на этот шаг только потому, что Россия заключала с Францией союз. В тексте Тильзитского договора прямо говорилось, что Наполеон «из уважения к Его Величеству императору всероссийскому и во изъявление искреннего своего желания соединить обе нации узами доверенности и непоколебимой дружбы» согласился возвратить прусско-

му королю, хотя и в изрядно урезанном виде, его владения⁹. Некоторые представители прусской элиты восприняли Тильзит как предательство интересов Пруссии со стороны России, но таковых было меньшинство. После 1807 г. российская дипломатия сделала очень много, чтобы облегчить положение Пруссии: добилась снижения контрибуции, вывода части французских войск из прусских крепостей, отговаривала своего бывшего союзника от необдуманных решений.

В период до начала 1812 г. многие прусские чиновники и офицеры сотрудничали с русской разведкой. Русскую агентурную сеть в Пруссии возглавил бывший прусский министр полиции Ю. Грюнер, руководивший этой деятельностью в 1812 г. с территории Австрии. Другой прусский министр Г.Ф.К. фон Штейн, уволенный по требованию Наполеона, в мае 1812 г. по приглашению Александра I прибыл в Россию в качестве политического советника русского императора, разработал план подготовки широкого антинаполеоновского восстания в Германии, принимал участие в создании Русско-немецкого легиона. Многие прусские офицеры, в том числе знаменитый Клаузевиц, перед 1812 г. вышли в отставку и перешли на службу в русскую армию.

Сам Александр I проявлял большую дипломатическую активность в отношении к Пруссии. Предполагалось заключить с пруссаками наступательный военный союз. После переговоров 1811 г. в Царском Селе с начальником прусского Генерального штаба генералом Г. Шарнгорстом (который прибыл в Россию под чужим именем) даже был подготовлен проект военной конвенции¹⁰. Но она не обеспечивала безопасность Пруссии, и Фридрих-Вильгельм III не ратифицировал предполагаемый договор. Можно, конечно, говорить в данном случае о прусском «эгоизме», но ясно, что уже в начале военных действий Пруссия, заключив она военный союз с Россией, как государство было бы стерто с географической карты французскими войсками¹¹. В данном случае «эгоизм» был продиктован трезвым расчетом и интересами сохранения государственности, а пруссакам не оставалось иного выбора, как под пушками корпуса Даву выставить воинский контингент против России. В сложившейся тогда ситуации это более или менее устраивало Россию. Весьма примечательно было то, что ни Пруссия, ни Австрия не объявляли войну России¹².

Для Наполеона по дипломатическим соображениям было важно использовать бывших русских союзников, тем самым он показывал России, что ей уже не на кого и не на что рассчитывать – вся континентальная Европа, включая бывших друзей, идет походом на Россию. 2(15) августа 1811 г. в разговоре с русским послом кн. А.Б. Куракиным Наполеон говорил: «Пруссия не забыла, что вы взяли у нее Белосток, а Австрия помнит, что для округления границ вы охотно отрезали у нее несколько округов Галиции»¹³. Французский император хотел окончательно рассорить Пруссию и Австрию с Россией, чтобы они уже никогда в будущем не создали коалиции против него. Возможно, он также полагал, что таким образом страхует свои тылы – эти два корпуса становились заложниками верности Наполеону их собственных монархов. Но размещение этих корпусов на флангах в 1812 г. стало его крупной ошибкой. Правда, очевидным это стало лишь в финале кампании, когда полная победа русской армии уже была свершившимся фактом. Весь 1812 г. пруссаки и австрийцы, хоть и без особого энтузиазма, но все же сражались с русскими войсками. Но под занавес кампании они (видимо, на правах еще не полностью забытых старых добрых союзников) начали вступать в переговоры с российским командованием и затем фактически оголили фланги спасавшейся бегством Великой армии. При этом русскому командному составу было указано на необходимость дать почувствовать пруссакам и австрийцам, что неприятель – не они, а французы.

Российский император еще до 1812 г., разрабатывая оборонительные планы, принял концепцию переноса военных действий в Европу, делая ставку на антинаполеоновское и национальное движение в Германии. Он был убежден в необходимости добить дракона в его собственном логове. Это был продуманный внешнеполитический курс, иначе трудно объяснить, зачем русские власти так активно поддерживали всех немецких офицеров и патриотов из гражданских лиц, образовали в самом начале кампании

1812 г. Комитет по делам Германии, создавали Русско-немецкий легион, тратили денежные средства на поддержку патриотов внутри германских земель.

15(27) декабря 1812 г. в приказе по русским войскам говорилось: «Уже нет ни единого неприятеля на лице земли нашей. Вы по трупам и костям их пришли к пределам империи. Остается еще вам перейти за оные, не для завоевания или внесения войны в земли соседей наших, но для достижения желанной и прочной тишины. Вы идете доставить себе спокойствие, а им свободу и независимость. Да будут они друзья наши!»¹⁴ А в приказе войскам о победоносном окончании кампании прямо заявлялось: «Не останавливаясь среди геройских подвигов, мы идем теперь далее. Пройдем границы и потщимся довершить поражение на собственных полях его»¹⁵. Численность русских войск, вошедших в Германию с декабря 1812 г. до апреля 1813 г., составляла от 114 до 130 тыс. бойцов, причем многие пехотные полки насчитывали в своих рядах от 200 до 500 солдат (в лучшем случае – довоенный батальон), дивизии – 1,5–2 тыс. человек (довоенный полк), и даже гвардейские полки имели под знаменами лишь по 500–700 человек¹⁶. Конечно, с такими силами проблематично было даже удержать уже контролируемые немецкие земли, не говоря о дальнейшем победоносном продвижении в Европу.

Перед Александром I встала проблема привлечения на свою сторону бывших союзников и сателлитов Наполеона. Наполеону же в этот период было крайне важно выиграть время для того, чтобы восстановить свои вооруженные силы в Европе и продолжить войну с Россией. Между тем феноменальные результаты русского похода французов буквально ошеломили многих европейских государственных деятелей, они явно находились в растерянности из-за неожиданной перемены ситуации. Что делать? Выгодно ли будет и впредь поддерживать французского императора? Даже после фиаско французов в России немногие в Европе предугадывали будущее падение Наполеона. Большинство исходило из логики более чем десятилетнего наполеоновского господства, из тщетности усилий победить гениального «узурпатора». В лучшем случае рассматривали возможность «нового Тильзита». Но обстоятельства складывались так, что им необходимо было делать выбор – оставаться с Наполеоном или идти против него. Все высшие государственные лица отдавали себе отчет в том, что оттягивание с решением этого вопроса грозило очень большими издержками: положение их страны в европейской политической обойме могло резко измениться, от взлета до падения, вплоть до потери государственного суверенитета. Цена ошибки была очень высока.

В январе 1813 г. вся Восточная Пруссия была очищена от неприятельских сил. Подписание российско-прусской Таурогенской конвенции 18(30) декабря 1812 г. генерал-майором бароном И.И. Дибичем и командующим Прусским вспомогательным корпусом генерал-лейтенантом Г. Йорком открыло новый этап в русско-германских отношениях. Попытки переговоров с пруссаками осторожно велись с июля 1812 г. через членов Комитета по делам Германии (бывших прусских офицеров на русской службе), созданного в России во время войны. О русских предложениях генерал Йорк извещал прусского короля. Но окончательно убедить и склонить на сторону России прусское командование удалось лишь в конце кампании. Генерал Йорк, официально не имевший полномочий на подписание соглашения, позволил русским отрезать его от войск маршала Макдональда и тем самым создать условия для заключения перемирия. В результате заключения конвенции прусский корпус становился нейтральным и уже не участвовал в боевых действиях, хотя сохранял полную свободу действий и оружие. Правда, первоначально прусский король проявлял нерешительность, не ратифицировал конвенцию и даже приказал отдать Йорка под суд за грубое нарушение дисциплины, опасаясь возмездия со стороны Наполеона. Но значение Таурогена, как показали дальнейшие события, было очень велико. Вскоре под влиянием успехов русской армии и под давлением общества (Пруссия переживала национальный подъем) король резко изменил свою позицию. Горячий патриот Штейн, попав в Кенигсберг, созвал ландтаг Восточной Пруссии, взял в свои руки административный контроль над этой землей и начал формировать ландвер (милицию). Возникла реальная угроза, что студенты,

роптавшие офицеры и Штейн могут все решить за короля. Фактически у правящих кругов Пруссии уже не оставалось выбора. По мере продвижения русских войск на территорию королевства, все колебания Фридриха-Вильгельма III и его окружения сошли на нет. В Бреславле и Калише 15–16(27–28) февраля 1813 г. М.И. Кутузовым и прусским канцлером К.А. Гарденбергом были подписаны союзные соглашения двух стран¹⁷. Пруссия вступала в войну против наполеоновской Франции, выставляла на первых порах 80 тыс. человек (Россия – 150 тыс. человек), и обе стороны взяли на себя обязательства не заключать мира до восстановления ее границ на западе, существовавших до 1806 г.

Калишский союзный договор стал первым официальным актом и сердцевиной шестой антинаполеоновской коалиции. Резкий внешнеполитический поворот Пруссии и полный разрыв с Наполеоном подал пример другим государствам и, бесспорно, способствовал дальнейшему подъему освободительного движения в Германии. Позднее к союзу в силу уже имевшихся договоренностей присоединились Великобритания и Швеция. О присоединении к союзникам заявили герцоги Мекленбург-Шверинский, Ангальт-Дессауский, курфюрст Гессен-Кассельский, против французов восстали города Гамбург, Любек и Лüneбург, волнения происходили в герцогстве Ольденбургском и других районах Северной Германии. Король Саксонский первоначально заявил о нейтралитете. В апреле союзниками была создана Центральная комиссия по управлению освобожденными северогерманскими землями, которую возглавил Штейн. 29 апреля (11 мая) датские войска пришли на помощь освобожденному Гамбургу. Тем самым Дания продемонстрировала стремление заручиться поддержкой союзников. Четко обозначенные политические цели войны со стороны России (сокрушение империи Наполеона, освобождение Германии, установление европейского равновесия) создавали предпосылки для присоединения к союзникам других заинтересованных государств и общественных сил. Вступление русской армии в Европу способствовало росту освободительного движения в первую очередь в Германии.

Русских восторженно встречали как избавителей во всех прусских городах. Офицер В.С. Норов писал: «Весь сей путь, от Одера до Эльбы, казался нам триумфальным маршем»¹⁸. Офицер-артиллерист Г.П. Мешетич вспоминал про свое пребывание в Пруссии: «Народ встречал россиян с радостными лицами, начал считать своими друзьями и избавителями от французских войск»¹⁹. Другой офицер, кн. Н.Б. Голицын, также запечатлел в своих воспоминаниях радостный прием русских: «С каким уважением и даже восторгом принимали тогда русских офицеров жители этой Германии, которые после долгого угнетения под игом Наполеона видели в нас будущих избавителей и людей, показавших первый пример сопротивления *непобедимому*»²⁰. Известный немецкий историк и современник этих событий Б.Г. Нибур следующим образом описывал вход казаков в Берлин в письме своей знакомой: «Ты не представляешь себе ликование при вступлении русских и оказанную им повсюду встречу. Русские и пруссаки как братья между собой». А один из немецких журналов писал в те дни: «Ничего подобного уже целый век не было в Берлине! Хрупкие женщины целовали бородатых казаков и лихо прикладывались к фляжкам с простой водкой, которые им подносились в ответ. Разве кто мог в чем-либо отказать людям, которые отвоевали для нас Отечество и готовы были в дальнейшем жертвовать ради нас своей жизнью. Во многих окнах развевались белые платки и повсюду раздавалось тысячекратное “ура”»²¹.

20 февраля (4 марта) 1813 г. передовой отряд русской армии под командованием генерала А.И. Чернышева занял Берлин, а затем прусский король подписал воззвание «К моему народу» и «К моим войскам» и призвал к «войне за освобождение» («Befreiungskrieg») против Франции. Проведенные после 1807 г. военные реформы (Krümpersystem, когда в армии мирного времени служили лишь 6 месяцев) и создание корпуса резервистов дали возможность Пруссии быстро выставить боеспособную армию. Кроме того, создавался ландвер – прусское ополчение численностью около 100 тыс. человек. «В Пруссии, – писал в дневнике А.И. Михайловский-Данилевский, – все принимало военный вид, вооружение было поголовное»²². Все это происходило в усло-

виях невиданного национального подъема во многих частях Германии. Очень быстро помимо уже созданного в 1812 г. Русско-немецкого легиона началось формирование из добровольцев Ганзейского легиона (около 3 тыс. человек), германо-английского легиона (почти 4 тыс. человек), гражданской гвардии Гамбурга, отряда вольных партизан («дружины мести») майора Л.А. Люцова (2,5 тыс. человек) и других подразделений. Все эти части позднее вошли в корпус генерал-лейтенанта Л.Г.Т. Вальмодена-Гимборна, достаточно пестрого по своему составу образования. Но сами эти во многом стихийные явления стали верным знаком быстро нарастающей воли к сопротивлению и готовности немцев сбросить с себя чужеземное господство.

Вслед за Берлином в марте русские войска очень быстро очистили всю территорию к востоку от Эльбы, а затем заняли Гамбург, Бреслау, Любек, Лауэнбург, Дрезден. Но назначенный общим главнокомандующим союзных войск Кутузов старался осторожно продвигаться вперед, предпочитал действовать отрядами легких войск и активно проводить партизанскую войну, оставляя основные силы в резерве. В первую очередь он стремился использовать преимущества в коннице. «Летучие» партизанские отряды под командованием генералов А.И. Чернышева, А.Х. Бенкендорфа, В.К.Ф. Дернберга, С.Н. Ланского, полковников Ф.К. Тетенборна, Д.В. Давыдова, В.Г. Мадатова, В.А. Пренделя, К.Х. Бенкендорфа, ротмистра М.Ф. Орлова, капитана Ф.К. Гейсмара действовали очень удачно и буквально хозяйничали в тылу и на коммуникациях противника.

Правда, весной 1813 г. Кутузов не торопился с переходом Главной армии через Эльбу, предпочитая держать основные силы в районе Калиша. Он хотел произвести сосредоточение сил перед переходом в наступление, и не раз осаживал генералов, нетерпеливо рвавшихся в бой. Так, 25 марта (6 апреля) главнокомандующий в очередной раз внушал генералу П.Х. Витгенштейну в ответ на его предложение переправиться и активно действовать на левом берегу Эльбы: «Повторить должен то, что ваше сиятельство из прежних моих отношений видеть изволили, а именно: что быстрое движение наше вперед для главного предмета будущей кампании никакой пользы принести не может. Сие предположение мое исчислено на приближающихся силах неприятельских и на тех, которые к нам прибыть имеют»²³. В частном письме к своему родственнику адмиралу Л.И. Голенищеву-Кутузову старый генерал-фельдмаршал довольно прагматично объяснял свои действия политическими и стратегическими соображениями: «Отдаление наше от границ наших, а с тем вместе и от способов может показаться нерасчетливым, особливо если исчислить расстояние от Немана к Эльбе и расстояние от Эльбы к Рейну. Большие силы неприятельские могут нас встретить прежде, нежели мы усилимся прибывающими из России резервами, вот что тебе и всем, может быть, представляется. Но ежели войти в обстоятельства и действия наши подробнее, то увидишь, что мы действуем за Эльбою легкими отрядами, из которых (по качеству наших легких войск) ни один не пропадет. Берлин занять было надобно, а занявши Берлин, как оставить Саксонию и по избытку ее и потому, чтобы отнять у неприятеля сообщение с Польшею. Мекленбург и ганзейские города прибавляют нам способов. Я согласен, что отдаление от границ отдаляют нас от подкреплений наших, но ежели бы мы остались за Вислою, тогда бы должны были вести войну, какую вели в [1]807 г. С Пруссиею бы союзу не было, вся немецкая земля служила бы неприятелю людьми и всеми способами, в том числе и Австрия»²⁴. Кутузов, видимо, старался не увлекаться (слишком был опытен), и пытался контролировать процесс продвижения войск вперед. Как военачальник, он вполне реально оценивал возможности противника и опасался возможного контрудара, и однажды сказал с раздражением: «Самое легкое дело – идти теперь за Эльбу, но как воротимся? С рылом в крови!»²⁵. Его предвидение в некоторой степени оказалось пророческим. Переход через Эльбу диктовался еще и важными политическими соображениями, надеждами союзников, что наступление и первые успехи поднимут всю Германию, заставят вступить в войну против Наполеона Австрию. В целом за наступление высказывался и прусский генералитет, горевший мотивами отмщения за позор 1806 г.

Начало кампании 1813 г. ознаменовалось неудачами союзников под Лютценом и Бауценом. Но Наполеон не смог добиться больших выгод в результате военных успехов – его потери превышали убыль в войсках России и Пруссии. Стало ясно, что союзники могут почти на равных сражаться со своим грозным противником, и они уже многому научились. Русские войска лишний раз проявили стойкость, а пруссаки доказали, что их армию уже нельзя сравнивать с временами Йены и Ауэрштедта. В осенний период кампании 1813 г. русско-прусские войска сыграли главную роль в победах при Денневице, Гросс-Беерене, Кацбахе и особенно при Кульме. В честь этой последней победы прусский король Фридрих-Вильгельм III учредил новый орден – Железный крест, а знак отличия этого ордена был назван Кульмским крестом. Им были награждены все чины русской гвардии – участники боя 17(29) августа. Битва народов при Лейпциге стала переломной в разгроме наполеоновской империи. И в этом грандиозном сражении самую значимую роль сыграли русские и пруссаки. М.И. Богданович приводит следующие данные об убыли в рядах союзников убитыми и ранеными при Лейпциге: русских – 22 604, пруссаков – 16 430, австрийцев – 12 653 человека²⁶.

Еще во время кампаний 1806–1807 гг. у русских начало складываться определенное братство по оружию с прусской армией (чего нельзя сказать про австрийскую). Оно закрепилось в 1813 г. Русские отлично отдавали себе отчет в вынужденном характере участия пруссаков в кампании 1812 г. против России. Например, М.И. Кутузов в 1812 г. полагал, что Пруссия – противник, который «по несчастным обстоятельствам завлечен в сию войну»²⁷. Если и существовала недоброжелательность, то она исчезла с вступлением русских войск в Пруссию. В 1813 г. Пруссия, как более слабый и ведомый партнер, полностью доверилась России и действовала в русле ее внешнеполитического курса. Хотя она и стремилась выжать все выгоды из сотрудничества с Россией, но была настроена вести борьбу до решающего исхода. Прусская армия с немецкой стороны являлась тогда главным носителем идеологии освободительного движения в Германии. Русским были вполне понятны ненависть пруссаков к французам, жажда мести за поругание национальной гордости – то, что по разным причинам в гораздо меньшей степени присутствовало у австрийцев. Пруссаки даже ввели униформу, подражающую русским образцам. Многие русские мемуаристы, вспоминая этот поход, называли пруссаков (но отнюдь не австрийцев) термином «наши войска», а под словом «мы» подразумевали только русско-прусские части. Уже с марта 1813 г., как писал генерал Ф.Ф. Довре своим частям, «войска прусские уже соединены с нашими и будут смешаны в рядах ваших, дабы, горя одинаковым жаром чести и славы, разить вместе с нами общих врагов вселенной»²⁸. И действительно, позже во всех трех армиях (Богемской, Силезской и Северной) русские и прусские полки, бригады, дивизии и корпуса действовали всегда вместе и поровну делили все тяготы и невзгоды военной жизни, а резерв Богемской армии одно время так и назывался русско-прусским. Прапорщик лейб-гвардии Семёновского полка И.М. Казаков вспоминал о совместном походе: «Пруссаки шли вместе с нами, и их солдаты разговаривали с нашими... С австрийцами такого лада не было, а на фуражировках бывали и драки»²⁹. Необходимо также отметить, что пруссаки в этот период благодаря русской армии почувствовали не только горечь поражений, но и вкус побед, обрели уверенность в своих силах. Пруссия вновь стала ощущать себя великой державой, способной влиять на европейские, в первую очередь, германские дела.

В то же время многоопытный и мудрый Кутузов пытался погасить интриги в верхах союзной прусской армии. Так, он следующим образом инструктировал Витгенштейна по поводу пруссаков: «Гарантируя нам больше возможностей и больше ресурсов, этот союз налагает на нас в то же время обязательство поддерживать между генералитетом обоих государств полнейшее согласие. Только оно может обеспечить нам успех, без него же все чудеса храбрости, проявленные нашими войсками, будут напрасными и мы не сможем воспользоваться преимуществом, проистекающим из огромности наших ресурсов по сравнению с противником. Точно так же мы должны в самом зародыше пресекать интриги недоброжелателей, которые бывают особенно сильны в коалициях государств»³⁰.

А.И. Михайловский-Данилевский даже в 1815 г. писал о том, что Блюхер «пренебрегает прочими монархами Европы и дорожит только двумя предметами: привязанностью прусской армии и уважением нашего Государя». «Он мой император, – говорит часто почтенный старик, – я ему доношу о моих военных действиях, а уже он пусть сообщает их королю. Он один может меня судить, и я от него принимаю охотно и выговоры, и награждения»³¹. Именно Александр I (а не кн. К.Ф. Шварценберг) реально контролировал решения Силезской и Польской армий, пытался воздействовать на активность главнокомандующего Северной армии (у Шварценберга не хватило бы для этого авторитета). Ему, а не Шварценбергу, подчинялись все русско-прусские корпуса Богемской армии. Фактически под юрисдикцией австрийского главнокомандующего оставались только австрийские части (в это русский царь не мог вмешиваться). Все же стратегические решения Шварценберга должны были утверждаться советом трех монархов, где преобладающая роль принадлежала Александру I. Прусский король находился под его влиянием, а австрийский император был достаточно индифферентен к военным вопросам. Де-факто три с половиной из четырех армий союзников находились под русским контролем.

Михайловский-Данилевский, находившийся в окружении российского императора во время Лейпцигской битвы, считал, что именно Александр I «начальствовал армиями, а не кто другой, к князю Шварценбергу потеряли доверенность, а прочие два монарха ни во что не вступались». Причем мемуарист указывал, что такая ситуация сложилась не сразу, а постепенно: «Александр, ознакомившись в течение двух месяцев с австрийцами, уже не оказывал им такой уступчивости, как в начале союза своего с ними, при разногласиях он твердо настаивал в своих мнениях. Пруссаки во всем ему покорялись, и сами австрийцы, признавая его возвышенные дарования и отвержение его всяких личных честолюбивых видов, начинали его слушаться, тем более, что присоединение к нам армий Беннигсена, Бернадота и Блюхера увеличивало число войск, непосредственно зависевших от распоряжений государя, истинного Агамемнона великой брани»³².

В целом русско-прусский союз был в 1813–1815 гг. основой антинаполеоновской коалиции, к которой позже присоединились другие европейские государства, общими усилиями добившиеся окончательной победы. Заклученный в феврале 1813 г., он фактически просуществовал в той или иной форме до 1890-х гг., явившись одним из наиболее стабильных и долговечных элементов европейской политики и дипломатии.

Примечания

¹ Клаузевиц К. 1806 год. М., 1938. С. 69.

² Там же. С. 70–71.

³ ПСЗ-I. Т. 29. № 22256.

⁴ Соловьев С.М. Император Александр Первый. Политика-дипломатия. СПб., 1877. С. 126.

⁵ См.: Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М., 1991. С. 53–54.

⁶ Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы российского министерства иностранных дел (далее – ВПР). Сер. I. Т. III. М., 1963. С. 755, 758.

⁷ Там же. С. 756.

⁸ Искюль С.Н. Внешняя политика России и Германские государства (1801–1812). М., 2007. С. 131, 145.

⁹ См.: ВПР. Сер. I. Т. III. С. 632, 638.

¹⁰ См.: Мартенс Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россиею с иностранными державами. Т. 7. СПб., 1885. С. 24–37.

¹¹ См.: Терешкина Е.А. Прусский вопрос во внешней политике России // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2007. № 5.

¹² Богданович М. История Отечественной войны 1812 года по достоверным источникам. Т. I. СПб., 1859. С. 77.

¹³ Попов А.Н. Отечественная война 1812 года. Т. 1. М., 2008. С. 95.

¹⁴ Собрание Высочайших манифестов, грамот, указов, рескриптов, приказов войскам и разных извещений, последовавших в течение 1812, 1813, 1814, 1815 и 1816 годов. СПб., 1816. С. 99.

¹⁵ М.И. Кутузов. Сборник документов. Т. IV. Ч. 2. М., 1955. С. 634.

¹⁶ Сборник исторических материалов, извлеченных из архива собственной Е.И.В. канцелярии. Вып. 16. СПб., 1917. С. 78–79, 88–89, 100, 110, 150, 195, 242, 291, 335.

¹⁷ М.И. Кутузов. Сборник документов. Т. V. М., 1956. С. 276–281.

¹⁸ *Норов В.С.* Записки о походах 1812 и 1813 годов, от Тарутинского сражения до Кульмского боя. Ч. 2. СПб., 1834. С.12.

¹⁹ *Мешетич Г.П.* Исторические записки войны россиян с французами и двадцатью племенами 1812, 1813, 1814 и 1815 годов // 1812 год: Воспоминания воинов русской армии. М., 1991. С. 55.

²⁰ Офицерские записки, или воспоминания о походах 1812, 1813 и 1814 годов князя Н.Б. Голицына // Отечественная война в воспоминаниях современников. М., 2008. С. 160.

²¹ Поход русской армии против Наполеона в 1813 году и освобождение Германии. Сборник документов. М., 1964. С. 91–93.

²² *Михайловский-Данилевский А.И.* Журнал 1813 года // 1812 год... Военные дневники. М., 1990. С. 327.

²³ М.И. Кутузов. Сборник документов. Т. V. С. 475–476.

²⁴ Поход русской армии против Наполеона... С. 142.

²⁵ Цит. по: *Орлов Н.А.* Война за освобождение Германии в 1813 г. // История русской армии и флота. Т. IV. М., 1911. С. 72.

²⁶ *Богданович М.* История войны за независимость Германии. Т. II. СПб., 1863. С. 543–545.

²⁷ М.И. Кутузов. Сборник документов. Т. IV. Ч. 2. С. 455.

²⁸ Поход русской армии против Наполеона... С. 103.

²⁹ *Казаков И.М.* Поход во Францию 1814 г. // Русская старина. 1908. № 3. С. 530.

³⁰ Поход русской армии против Наполеона... С. 115–116.

³¹ *Михайловский-Данилевский А.И.* Мемуары. 1814–1815. СПб., 2001. С. 239.

³² *Михайловский-Данилевский А.И.* Журнал 1813 года. С. 366.

«Война, полезная для нас и гибельная для неприятеля»

© 2012 г. Л.Л. ИВЧЕНКО*

М.И. КУТУЗОВ И ТЕОРИЯ ВОЕННОГО ИСКУССТВА XVIII–XIX ВЕКОВ

Биографии генерал-фельдмаршала светлейшего князя Михаила Илларионовича Голенищева-Кутузова-Смоленского (1745–1813) можно сравнить с живописными полотнами, на которых детально проработан первый план, но почти отсутствует второй. Это своего рода портреты «героя вне времени». Неудивительно, что иные небеспристрастные ученые, увлеченные «демифологизацией истории», пытаются даже поставить под сомнение «истинный масштаб личности Кутузова»¹. Исследователи его деятельности традиционно уделяют основное внимание эпохе наполеоновских войн, то есть последнему десятилетию жизни Кутузова, хотя его полководческий почерк сложился еще в царствование Екатерины II. В наши дни XVIII век, по словам О.Г. Чайковской, «стал представляться некой заводью, неким голубо-розовым интерьером, населенным... пудренными париками, красными каблуками, атласными кафтанами и

* **Ивченко Лидия Леонидовна**, кандидат исторических наук, главный хранитель Музея-панорамы «Бородинская битва».